

УДК 82-6
ББК 76.02

Я.Р. Симкин

**А.П.ЧЕХОВ: ПЕРЕПИСКА
С ИЗДАТЕЛЯМИ,
РЕДАКТОРАМИ,
ЖУРНАЛИСТАМИ**

Симкин Яков Романович (1922 – 2008) – доктор филологических наук, профессор. С 1961 г. работал в Ростовском государственном университете доцентом (1961 – 1971), зав. кафедрой теории журналистики, деканом факультета филологии и журналистики (1972–1989). Автор монографий «Жизнь Дмитрия Писарева: Личность и публицистика» (Ростов н/Д, 1969); «Сатирическая публицистика» (Ростов н/Д, 1976); «Семь лет из жизни Чехова» (Ростов н/Д, 1987) ставших библиографической редкостью. В последние годы жил в США, где был активным членом Всеамериканского чеховского общества. Представленная статья является одним из фрагментов творческого наследия ученого об А.П.Чехове.

А.П. Чехов любил работать с письмами. За столом он медленно сортировал полученные в течение прошедшего года письма и аккуратно проставлял даты их получения. Он ограничивал себя легким занятием, но, если бы не его систематизация, письма остались бы вне времени. Само собой разумеется, что все эти письма не остались без ответа. Он не позволял себе диктовать письма, не просил их переписывать и не потому только, что у него никогда не было секретаря, а потому, что, прежде чем отвечать, предварительно все обдумывал, взвешивал и даже записывал. Он никогда не отделялся в ответах пустыми или общими словами. Ему хотелось каждому сказать что-то серьезное и приятное.

Казалось, при такой интенсивной переписке можно было повториться, но повторялась лишь игривая насмешливость, спасавшая его в самые трудные минуты, остроумие и доброжелательность. Даже сугубо деловые письма редакторам и издателям нельзя упрекнуть в утилитарности.

Накануне Нового 1903 г., 23 декабря, Чехов получил письмо от С.П. Дягилева и ноябрьский номер журнала «Мир искусства» со статьей Дмитрия Философова о спектакле «Чайка» в Александринском театре. Новогодний подарок повлиял на настроение Чехова. 30 декабря он писал Дягилеву: «“Мир искусства” со статьей о “Чайке” я получил, статью прочел – большое Вам спасибо.

Когда я кончил эту статью, то мне опять захотелось написать пьесу, что, вероятно, я и сделаю после января»

Чехов не склонен был придавать статьям о своем творчестве большого значения, но, очевидно, журнал, поместивший рецензию Философова, был для него настолько значимым, что он поделился с редактором планами.

«Мир искусства», созданный молодыми художниками четыре года назад, пользовался популярностью. Среди художников, сотрудничавших в журнале, были близкие Чехову люди. Редактор Дягилев производил впечатление умного, энергичного и преданного русскому искусству человека.

Все номера журнала Чехов встречал с любопытством. Дягилев хотел привлечь и его к сотрудничеству. Послав номер журнала, он ждал от Чехова не столько отклика на публикацию о «Чайке», сколько обещанную статью о Левитане. Однако на его просьбу – «Напишите же, ради бога, обещанного “Левитана”. Ждем, ждем – не дождемся» – Чехов не откликнулся.

Он мог бы, пожалуй, повторить слова из предыдущего письма «Про Левитана писать никогда не поздно», но это не помогло бы журналу, готовящему специальный выпуск, посвященный художнику. Просили его написать и о Пушкине, но тогда Чехов ответил Дягилеву через В.Н. Аргутинского-Долгорукова и Бальмонта: «Передайте, пожалуйста, С.П. Дягилеву, что я от всей души благодарю его за письмо и жалею, что не смогу принять участие в пушкинском номере “Мира искусства”. Кстати, скажите ему, что пишу я только беллетристику, все же остальное чуждо или недоступно мне» [1899, 20 мая].

С приближением пушкинского юбилея, Чехов напрямик заявил Дягилеву: порадовать его не сможет не столько потому, что не готов высказать свои истинные взгляды на Пушкина, сколько потому, что юбилей мешает ему воздать поэту подобающую дань почтения. Но Дягилев не намерен был отступить. Статью, если не о Пушкине, то о Левитане он терпеливо ждал. То, что Чехов разрешил ожидать ее, являлось уже само по себе случаем необычным. Дягилеву хотелось при помощи нового письма выяснить, когда статья о Левитане будет прислана. Однако Чехов устоял и против такого искушения, хотя преодолеть его на этот раз оказалось труднее, чем в 1899 г.

Дягилев сам написал о художнике. «Русскую живопись по силе и по значению нельзя сопоставить с русской литературой, но если искать в полотнах наших художников свежести тургеневского утра, аромата толстовского сенокоса или меткости чеховских штрихов, то неизбежно приходится признать, что во всей русской пейзажной живописи от венециановских времен и до наших дней только один Левитан может подать руку этим поэтам и не раз подымается до их величия»¹.

Упоминание имени Чехова в статье о Левитане имело, вероятно, свои, в том числе психологические, мотивы. Дягилев все еще надеялся на участие Чехова в журнале. Желая, видимо, узнать о его намерениях, он спрашивал, каким Чехов видит обновленный журнал. Он не стал больше допытывать его расспросами о взглядах на искусство и культуру, ибо у него был другой план: «Обновление “Мира искусства” может быть только от прилива к нему новых сил. Нам совершенно необходима помощь, подмога человека, стоящего вне нашей кружковщины и вместе с тем близкого нам, ценимого нами, такой человек – Вы».

Дягилев полагал, что обновление журнала представляет одинаковый интерес как для Чехова, так и для тех, кто в нем сотрудничает. Он так увлекся предстоящей реформой, что не замечал взаимной неприязни между Чеховым и Д.С. Мережковским, одним из соредкторов журнала. Задавая в первом письме к Чехову разнообразные вопросы, Дягилев неожиданно перешел на Мережковского. Он слышал о нем мнение Чехова и теперь говорил: «Вы считаете, что Мережковский – парниковое растение. Я его очень люблю и искренно боюсь, когда он сам себя пересаживает из одного грунта в другой».

В конце концов, и Чехову судьба Мережковского была не безразлична, хотя отношения между ними складывались непросто. Статья Мережковского о его творчестве «Старый вопрос по поводу нового таланта», опубликованная пятнадцать лет назад, обрадовала Чехова, но она давала самые уклончивые ответы на главные вопросы, вызывавшие тревогу. Чехов был смущен и 3 ноября 1888 г. написал Суворину: «В “Северном вестнике” (ноябрь) есть статья поэта Мережковского о моей особе. Статья длинная. Рекомендую Вашему вниманию ее конец. Он характерен. Мережковский еще очень молод, студент, чуть ли не естественник. “Кто усвоил себе мудрость научного метода и кто поэтому умеет мыслить научно, тот переживает немало очаровательных искушений”».

Судя по письму, Чехов не был знаком с Мережковским. В сведениях о нем ошибка: Мережковский был студентом историко-филологического факультета Петербургского университета и не уповал поэтому на естественнонаучные законы творчества. Содержание его статьи о сборнике «В сумерках» потребовало размышлений и вызвало у Чехова желание более пространно рассказать о ней Суворину: «Мережковский пишет гладко и молодо, но на каждой странице он трусит, делает оговорки и идет на уступки – это признак, что он сам не уяснил себе вопроса... Меня величает он поэтом, мои рассказы – новеллами, моих героев неудачниками, значит, дует в рутину. Пора бы бросить неудачников, лишних людей и проч. и придумать что-нибудь свое. Мережковский моего монаха, сочинителя акафистов, называет неудачником».

У Чехова появился повод провести параллель между рассказом «Святой ночью», о котором писал Мережковский, и другими своими произведениями. Приверженность критика к удачникам и неудачникам показалась ему бесплодной. Чехов не сталкивает их лбами и не оспаривает права тех или других. Он пишет: «Делить людей на удачников и на неудачников – значит смотреть на человеческую природу с узкой, предвзятой точки зрения... Удачник Вы или нет? А я? А Наполеон? Ваш Василий? Где тут критерий? Надо быть богом, чтобы уметь отличить удачников от неудачников и не ошибаться...»

Статья Мережковского вызвала возражения не только Чехова. Журнал, поместивший ее, оговорился, что не полностью разделяет идеи и оценки критика. В том же журнале ведь была напечатана статья Михайловского о сборнике. Один из руководителей журнала А.Н. Плещеев, с которым Чехов поддерживал дружескую переписку, выразил недовольство некоторыми рассказами, помещенными «В сумерках», а критик М.А. Протопопов в знак протеста против публикации ушел из редакции.

Не только Чехову статья Мережковского показалась необычной. Его внимание невольно привлекли идеи, о которых не говорил ни Михайловский, ни Плещеев, ни один из шестнадцати рецензентов, писавших о сборнике. Это не эстетические подробности, а ницшеанство, импрессионизм и декаданс. Схватка между Чеховым и Мережковским была неизбежна, но, видя, что Мережковский молод (ему было 22 года), Чехов лишь отошел от него на почтительное расстояние. В поединок они вступили гораздо позже.

В статье «Старый вопрос по поводу нового таланта» Мережковский увидел в творчестве Чехова напускное безразличие к окружающей жизни, бесцеремонное разрушение литературных форм, самоуверенность, прикрытую только изяществом письма. Он и начинает статью словами: «В последнее время на Западе, а отчасти и у нас, распространяется новый оригинальный род литературных произведений – маленькие сжатые очерки, почти отрывки, приближающиеся по своим размерам и содержанию к известным “Стихотворениям в прозе Тургенева”».

Ему казалось, что он объяснил, каким образом появилась форма чеховских рассказов. Он не хотел и не имел никакого права обижать тем самым Чехова, но и через пятнадцать лет Мережковский в качестве оружия схватился за эфес старой сабли. Больше Чехов не упоминал имени Мережковского без того, чтобы прямо или косвенно не высмеять его рассуждения, но самого его ценил. В январе 1891 г. писал Суворину: «Был у меня два раза поэт Мережковский. Очень умный человек».

Суворин возражал Чехову и писал о Мережковском фельетоны. Несмотря на все неприятности, которые ему причинял Суворин, Мережковский терпимо относился к «Новому времени». Чехов иронизировал

в письме к Суворину: «Восторженный и чистый душою Мережковский хорошо бы сделал, если бы свой gnasi-гетовский режим, супругу и “истину” променял на бутылку доброго вина, охотничье ружье и хорошенькую женщину... Сердце билось бы лучше».

В 1891 г., узнав о том, что Мережковский вместе с женой Зинаидой Николаевной Гиппиус путешествует по Италии, Чехов и Суворин присоединились к ним. Времени для бесед было больше чем достаточно, и Чехов с Мережковским вели нескончаемые дискуссии, в которых Гиппиус и Суворин не участвовали. Брату Ивану Павловичу Чехов писал: «Мережковский, которого я встретил здесь, с ума сошел от восторга».

Путешествие по Италии навсегда сохранилось в памяти Мережковского. В своих воспоминаниях он оставил много интересных сведений о Чехове, рассказал о разногласиях с ним и признаках предстоящего разрыва.

После путешествия начался новый этап взаимоотношений между Чеховым и Мережковским, более острый, чем прежде. В записной книжке Чехова появилась запись «Вечером разговаривал с Мережковским о смерти». Это могло означать, что речь шла о боязни смерти, печали, эгоизме. Мысли такого рода Мережковский высказывал в своих статьях. Отношение к ним Чехова отражено в письме к Дягилеву от 12 июля, в котором он отказывался редактировать «Мир искусства»: «Конечно, я не критик и, пожалуй, критический отдел редактировал бы неважно, но, с другой стороны, как бы это я ужился под одной крышей с Д.С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего. Я уважаю Дмитрия Сергеевича и ценю его и как человека, и как литературного деятеля, но ведь воз-то мы если и повезем, то в разные стороны».

Предсказание оказалось верным. Любая форма сотрудничества с Мережковским нарушила бы душевное равновесие Чехова. Он резко отрицательно воспринял появление пьесы Мережковского «Гроза прошла». Обычно не теряющий самообладания, Чехов на этот раз был настолько возмущен, что счел необходимым немедленно написать о ней Суворину: «Если не хватит времени и охоты прочесть всю пьесу, то вкусите один только конец, где Мережковский перещеголял даже Жана Щеглова. Литературное ханжество, самое скверное ханжество». Чехов имел в виду, что Мережковский, как и Щеглов, стремился выставить в неприглядном свете известных и уважаемых литераторов. Один – в повести «Около истины» – работников издательства «Посредник», второй – в пьесе – редакцию петербургского журнала. Неблагоприятное впечатление производили и другие произведения Мережковского. Конечно, это была только одна из причин, по которой Чехов отказался редактировать вместе с ним журнал.

Дягилев не стал тратить времени и труда на увещевания и продолжал просить у Чехова рассказ или повесть. Весьма странно это было слышать через месяц после письма, но, видимо, Дягилев на все смотрел иначе. «Дорогой Антон Павлович. Фразу Вашу “не искушайте меня без нужды” я понимаю скорее как “не приставайте ко мне без нужды”. Ну хорошо, что же делать. Но ведь и Вы меня искушаете, говоря в каждом письме, что “Мир искусства” хороший журнал и что его не надо закрывать».

Дягилев был очень доволен результатом своего энергичного натиска на Чехова, но ни одного произведения от него не получил. Он вопрошал: «Что нужно сделать, чтобы Вы вошли в новое дело? Какие нужны для этого компромиссы и вообще, что Вы хотите от этого журнала и как Вы себе представляете? Я готов принять многое ради совместной работы с Вами».

Из крепких объятий Дягилева нелегко было высвободиться. Когда Чехов решительно отказался редактировать журнал совместно с Мережковским, Дягилев захотел вернуть честь своему любимцу. Он написал Чехову: «С Мережковским я имел бесконечный по этому поводу разговор, и он приблизительно говорил мне о работе с Вами то же, что Вы пишете мне – о работе с ним».

Через много лет, воскресив в памяти подробности своих отношений с Чеховым, Мережковский особенно много говорил о том времени, когда окончательно произошел разрыв между ними, хотя оба хотели принести пользу «Миру искусства». Правда, Мережковский высказывает лишь два соображения, из-за которых Чехов якобы колебался. Первое: Чехов недостаточно знал, какой веры придерживается Мережковский. Второе: «К нарождающемуся тогда декадентству в литературе Чехов относился вообще недружелюбно, недоверчиво, но с любопытством. Трезвый и тонкий реализм отталкивал его от дешевой мистики. Он любил слегка вышучивать эту накипь, что было, впрочем, нетрудно».

С улыбкой говорил Чехов о лекциях Мережковского по русской литературе, где Толстой и Достоевский были представлены как мистики, Гончаров как символист, а Тургенев и сам Чехов как импрессионисты. Когда Мережковский стал одним из основателей религиозно-философских собраний в Петербурге, раздраженный Чехов обратился к участвовавшему в них Миролюбову с саркастическим вопросом: проповедником какого прихода он является? У Чехова всегда было некоторое предубеждение против всякого рода модных новшеств, оно объяснялось тем, что многие из этих новшеств вводились без необходимости.

В то время, когда он был критически настроен к соредакторству в обновленном «Мире искусства», произошло еще одно событие. Три старых его товарища – И.Н. Потапенко, Д.Н. Мамин-Сибиряк и Вас.

И. Немирович-Данченко – задумали издавать журнал. Рассказывая о его целях, Потапенко писал: «Я возвратился к старой мечте о своем журнале... Сейчас я расскажу тебе основание и сущность этого дела. Журнал будет заключать в себе два главных отдела – беллетристический и отечествоведение. Отечествоведение требует пояснений. Тут интерес в очевидцах. Мы сами (кто может) будем изучать Россию “на месте” с разных сторон, а главным образом будем поручать молодым писателям, у коих есть наблюдательность и желание работать. Остальные отделы будут кратки и сжаты до минимума... Прошу тебя, милый Антоний, отвечай мне как можно скоро и притом прямо, не деликатничая. Насколько нам важно твое участие, как соиздателя, не стоит доказывать».

Чехов не мог точно определить, каким должен быть журнал, сказанного Потапенко было мало, чтобы понять намерения редакции. Надежда на то, что главное начать, а со временем все образуется и станет на место, не поощрялась Чеховым. Он никогда не бывал в таком благодушном настроении, в каком постоянно находился Потапенко, и сердился на него за то, что тот не умел принимать окончательные решения. В одном из писем к нему Потапенко признался: «Если бы мне пообещали двести тысяч за то, что я ответил бы на вопрос, что со мной будет завтра, то я не приобрел бы двести тысяч. Я думаю, другого такого неопределенного человека, как я, нет в природе».

Не видел Чехов особых способностей для редактирования журнала и у Мамина-Сибиряка. Он был слишком непримирим, близко к сердцу принимал неудачи, относился с неизменной суровостью к инакомыслящим, часто ошибался насчет своих знаний и не мог приспособить свои внутренние убеждения к возникающим обстоятельствам. О Мамине-Сибиряке Елпатьевский, близко знавший его, сказал: «Мамин был человеком старого воспитания, старых устоев. И не потому только, что помнил крепостную жизнь. Он любил все настоящее, старорусское, натуральное, истовое, коренное... И как писатель, – он был старого воспитания, старых, уходящих из жизни литературных традиций»

Третий предполагаемый соредактор нового издания, Василий Иванович Немирович-Данченко, мог наводнить журнал своими произведениями. По мнению Чехова, Немирович-Данченко при случае способен был разорить даже такого издателя, как Маркс, – он был чрезвычайно плодовит и написал свыше ста книг, причем щедро пользовался материальными благами, отсюда вытекающими.

Эти обстоятельства принял во внимание Чехов, когда ответил Потапенко: «Во-первых, ты не писал, в чем должны будут заключаться мои обязанности как издателя. Во-вторых, в издательском деле я никаких конституций не признаю, во главе журнала должно стоять одно лицо, один хозяин, с одной определенной волей. В-третьих, Мамин-Сибиряк

и Вас. Немирович-Данченко талантливые писатели и превосходные люди, но в редакторы они не годятся. В-четвертых, в сотрудники к тебе я всегда пойду, об этом не может быть и разговоров. До 1904 г. времени еще много, мы можем еще списаться, столкнуться, и ты, быть может, убедишь меня, что я и ошибаюсь».

Потапенко, как и следовало ожидать, быстро забыл о журнале. Он не мог только понять, почему после длительного молчания Чехов обратился к нему со словами: «Здравствуй, милый мой Игнациус, наконец-то мы опять беседуем!» Это был прежний тон, в котором чувствовалась благодарность за помощь, оказанную ему в то время, когда Потапенко взял на себя цензурные хлопоты в связи с постановкой «Чайки» в Александринском театре. Переписка между ними в 1896 г. была особенно интенсивной, поскольку пьеса проходила цензуру, а Чехов был далеко от Петербурга. Посоветоваться с ним Потапенко не мог; пришлось много и часто писать. Сохранилось около семидесяти его писем к Чехову, в которых душевные и иные сомнения излагались искренне и темпераментно. Чехов не всегда успевал реагировать на письма. Потапенко в связи с этим в воспоминаниях говорил, что между ними всегда чувствовалось расстояние.

Живя в Ялте, Чехов был всегда рад приезду писателей, близких ему по творческим позициям. В марте приехал Горький с женой, и он трогательно заботился о них. Потом появились Миролубов и Бунин. Не теряя напрасно времени по приезде в Ялту, пришел Куприн. Чехов был им благодарен, в эти дни он оживал, ему становилось легко и весело. Бунин по-прежнему любил изображать в лицах знакомых писателей, Миролубов передразнивал голоса популярных певцов и их манеру исполнения, Куприн заразительно смеялся и гримасничал.

Сидя на низкой скамеечке, Горький рассказывал о последних событиях. Чехов перед его приездом читал журнал «Миссионерское обозрение», издаваемый русскими иезуитами, и «Новый путь», рекомендуемый Дягилевым как издание, проповедующее новую философию. Ему показалось, что оба журнала несерьезны, что нужно делать все по-иному.

Когда Горький говорил о чем-либо, относящемся к политике, Чехов слушал его особенно внимательно, часто спорил с ним и, хотя обычно оставался при своем мнении, все же благодаря гостю узнавал много нового.

За зиму Антон Павлович сильно похудел и ослабел. Надежды на восстановление здоровья становилось все меньше. Особенно беспокоила потеря работоспособности. Он уже не думал о том, как написать пьесу. Никак не получался рассказ под скромным названием «Невеста». В.С. Миролубову, редактору «Журнала для всех», для которого предназначалось новое произведение, Чехов писал: «Я надоел Вам? Дело в

том, что три дня я был нездоров, не писал вовсе, только сегодня начну как следует переписывать. Работаю вообще туго, но, уверяю Вас честным словом, рассказ давно уже готов, остановка только за перепиской. Погода немножко попортилась, стало прохладно. Всю ночь кашляю».

Рассказ казался ему таким маленьким по сравнению с задуманной пьесой... За месяц до окончания работы над ним Чехов писал Книппер: «Пишу рассказ для “Журнала для всех” на старинный манер, на манер семидесятых годов. Не знаю, что выйдет». В другом письме: «Пишу рассказ, но медленно, через час по столовой ложке – быть может, оттого, что много действующих лиц, а может быть, и отвык, привыкать надо».

Погода позволяла Чехову более откровенно говорить о своем настроении. Особенно часто он чувствовал недомогание в плохую погоду в последние годы, обычно весной, когда злосчастная болезнь не давала ему возможности работать. В это время он писал, помимо «Невесты», несколько новых рассказов, оставшихся неоконченными, в которых образ жизни больных напоминал ялтинский. Может быть, настроение и образ мыслей Бондарева из рассказа «Расстройство компенсации» в какой-то мере совпадает с чеховскими.

Чехов дает возможность таким людям высказать все, что они думали о себе и о находящихся рядом больных. Ни один из них, будучи здоровым, не может разрешить свои сомнения в цели и назначении жизни. Безоговорочного нравственного преимущества здоровых над больными в рассказах Чехова нет. Однако он не успел поделиться всеми своими наблюдениями над поведением больных людей. Еще меньше сказал Чехов о людях, которые внушают им недоверие. Он уделил мало внимания даже тем записям, которые были у него в записной книжке и на отдельных листочках, исписанных тонкими линиями его почерка. Беглый набросок плана рассказа «Расстройство компенсации» также хранился на отдельном листке. Правда, частенько Чехов не заглядывал ни в планы, ни в записи. Более того нередко он убирал их подальше и полагался на память.

Во время работы над рассказом он писал Книппер: «Бумажник твой мне очень понравился и нравится очень, клянусь тебе, но мне не хотелось расставаться со старым, твоим тоже. Теперь твой бумажник (новый) лежит у меня на столе, и в нем разные заметочки для рассказов. Я пишу и то и дело лезу в бумажник за справкой».

Чехов был растроган вниманием Книппер. Он рассказывает, как неторопливо продвигается вперед в своей работе. Пьеса, которую с нетерпением ждет театр, и она, подобно колосьям, поспекает для жатвы. Но, продолжает он, был нездоров и ничего не делал. «Теперь приходится начинать все сначала. Горе мое гореванское. Ну, да ничего. Пусть твой

муж поболтается еще годика два, а потом он опять засядет и напишет, к ужасу Маркса, томов пятнадцать».

О своих замыслах и планах Чехов писал теперь чаще, чем когда-либо. Он уверял Книппер, что испытывает восторг при мысли, что дни его отныне будут протекать в трудах, а к редакторам газет и журналов обращался с извинениями за задержку рукописей.

Чехов очень внимательно читал каждое письмо. Когда же он встречал в журналах и газетах серьезные размышления о своем творчестве, в некоторых случаях стремился побольше узнать об авторах статей и рецензий. Он обратил внимание на статью Альбова «Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова», опубликованную журналом «Мир божий». Она посвящалась выходящим томам его собрания сочинений и превосходила все другие статьи своей масштабностью. Наблюдения автора подтверждали, что издание собрания сочинений пока идет хорошо. Чехов спрашивал Батюшкова об авторе статьи: «Раньше мне не приходилось читать Альбова, хотелось бы знать, кто он такой, начинающий ли писатель, или уже издавший виды».

Чехова прежде всего интересовала личность человека, написавшего о нем. Но, если взглянуть поглубже, он испытывал естественное любопытство автора, о творчестве которого написана статья. Вдобавок ко всему впервые, как он считал, его творчество рассматривалось, в общем, правильно. Но было еще одно обстоятельство, о котором Чехов в письме к Батюшкову не упомянул. Альбов анализировал третий – седьмой тома его собрания сочинений, где были помещены «Холодная кровь», «Скучная история», «Белолобый», «Тоска», «Егерь», «Унтер-Пришибеев», «Пустой случай», «Ванька», «Тиф», т. е. произведения, обсуждавшиеся критикой.

Альбов видел два периода в творчестве Чехова. Без умаления значимости первого, в котором звучал смех и редко раздавалась грустная нота, во втором периоде он не увидел прежнего беззаботного смеха, хотя Чехов сохранил свой шуточный тон.

Обращение Чехова к редактору журнала за справкой об авторе заинтересовавшей его статьи – редкий случай. За ним угадывается одобрительное к ней отношение. Альбов жил в Симферополе, почти рядом с Ялтой, преподавал в кадетском корпусе, и статья о творчестве Чехова была одной из первых его публикаций в столичном издании.

Знакомство между ним и Чеховым не состоялось: оба были скромны и застенчивы. Альбов, отправив статью в журнал, не решился спросить о ее судьбе. Статья была напечатана без чтения автором корректуры. Батюшков мог сообщить Чехову только самые общие сведения об авторе.

Газеты и журналы пытались взять у Чехова интервью, а европейские переводчики выяснить, в какой связи находятся те или иные его произведения с биографией.

В среде газетчиков он был известен как человек, не любивший давать интервью, хотя в его время этот газетный жанр входил в моду. Двери его дома были всегда гостеприимно открыты, но, кроме воззваний о помощи голодающим и туберкулезным больным, он ни одной публикации не подписывал. Чехова глубоко оскорбляло, когда в газетных отчетах его высказывания дополнялись и домысливались.

Еще более удивляли письма, в которых созданные им рассказы рассматривались чуть ли не как отражение его личной жизни. Переводчик на немецкий язык А.А. Энгельгардт обращался к нему: «Я Вас прошу сообщить мне, существует ли вообще точная связь между рассказом и Вашей личной жизнью или только Ваших взглядов на жизнь вообще. Очень был бы благодарен, если Вы нашли бы свободное время и в Вашем ответе возможно кратко очертили Ваш ход развития...»².

Общественные события интересовали переводчика меньше, чем биографические. Чехов редко возвращался к обстоятельствам своей прошедшей жизни. Дягилев одно время долго и с нетерпением ожидал от него биографических сведений и настоял на своем. Вскоре письмо от Чехова было получено. В нем несколько самых общих слов о прошедшей жизни: «Я некоторое время зарабатывал медицинской практикой, но недолго. Практиковал иногда помногу в деревне, но денег не брал, так как не нуждался в них. Стихов никогда не писал».

Вместо ответа на вопросы Чехов рассказал о том, что, по-видимому, давно было известно. Дягилев уговаривал его напрасно. Чехов избежал еще от одной попытки привлечь внимание публики к его личности. Он никогда не менял своего отношения к заботам прессы, полагая, что можно больше успеть, если писать, а не отвечать на многочисленные вопросы журналистов. Разумеется, связи его с прессой никогда не прерывались. В письмах он резко возражал некоторым газетам и журналам, но чаще прочитанное предавал забвению. По каким-то неизвестным причинам в Ялте, несмотря на скуку, Чехов отказался от получения некоторых газет.

28 марта Маркс прислал Чехову корректуру девяти рассказов, включенных в двенадцатый том собрания сочинений. Предстоял выход тринадцатого тома, планировался пятнадцатый и шестнадцатый тома.

Это было не поощрение автора со стороны издателя, а форсирование событий. Маркс хотел в течение года выпустить еще одно издание собрания сочинений. Формально он был прав, и никакие увещания не могли на него воздействовать. Тем не менее Чехов просит В.С. Мирюлюбова переговорить с издателем относительно пересмотра условий договора. Маркс от разговора отказался, мотивируя тем, что у Миро-

любова нет юридических полномочий и он желал бы говорить только с Чеховым.

Подобные ответы постепенно увеличивали недовольство и раздражение Чехова. Ему становилось все труднее сдерживать себя. А тут письмо от А.И. Эртеля, в котором он со свойственной ему непосредственностью причислял Чехова к писателям, выгодно заключившим договор с издателем. Оказалось, что он взял роль посредника между молодым литератором и издателем и хотел бы знать условия, сопутствующие успеху Чехова: «Я сейчас сватаю одному издателю одного «брата-писателя», и сватаю на вечные века. Но вот беда, все мы трое не знаем формы, по которой составляются акты на продажу литературной собственности. Ты таковую продажу, и тоже на веки вечные, уже совершил, и, конечно, имеешь в руках надлежащий документ, – по всей «форме». Убедительно прошу тебя снять с этого документа копию и прислать ее мне к сведению и руководству»³.

Переубедить Эртеля Чехов не стал. Копия договора с Марксом была выслана без какого-либо комментария. Эртелю, знавшему Чехова более десяти лет, показалось странным отсутствие хотя бы маленького письма.

Отличавшийся прямоотой и живостью характера, он тут же написал Чехову, имея в виду события последнего года: «Конечно, я знаю, что ты женился, а если своевременно не прислал поздравлений, то у меня уж правило: ни с женьтьбою, ни с крестинами, ни с юбилеями, не потому, чтобы я никогда не радовался никаким событиям, а просто думаешь о себе: и без меня найдется много поздравлений... Тут вдобавок я совершенно не знаю твоей жены. Материала для поздравления серьезного, как видишь, мало.

Да и не везет мне с «поздравлениями». Разлетелся было приветствовать Горького со вступлением в академию, чему был искренне рад – не столько за него лично, ибо зачем ему академия, – сколько за его «дух», неожиданно вторгшийся даже в официальные салоны, и не «силком», а по приглашению. Но по всей вероятности еще и письмо мое не дошло, как его не замедлили «изблевать». Кстати, увидев Горького, спроси, получил ли он мою записку... Будь я на вашем месте, гг. академики, я бы не замедлил расплевать с академией после этого пассажа, – конечно, как наивозможно шумнее, дабы подчеркнуть это новое проявление «ослиномании» в наших, решительно спятивших, сферах»⁴.

Эртель за участие в революционном движении был арестован и выслан из Петербурга в Воронежскую губернию. Чехов по-прежнему ценит Эртеля за честность, прямодушие и полное отсутствие желания за что-либо прятаться в трудные моменты. В письме к Эртелю он даже не намекнул на перенесенные беды и обстоятельства, связанные с заключением договора с Марксом.

Со своим издателем Чехов почти не встречался, ему претила скаредность и непримиримость Маркса. Он имел в виду не только условия договора. В течение четырех лет Чехов изучал Маркса, но и сейчас не понимал его. Возможно, представление о своем издателе сложилось у Чехова несколько однобокое, поскольку он больше переписывался с ним, чем общался. Он остерегался такого общения, ибо склонен был ожидать от издателя скорее плохого, чем хорошего. Это – цена, которую приходилось Чехову платить за сложившиеся перед переездом в Крым обстоятельства.

Чехов выехал 13 марта в Петербург. Почти целый день потратил он на разговор с Марксом и понял, что расторгнуть договор 1899 г. не удастся. Кстати, он был убежден в этом и до поездки в Петербург. Маркс разговаривал с ним по-немецки, мотивируя это тем, что плохо владеет русским языком. Обе стороны избегали решительного объяснения. Маркс предложил Чехову вновь встретиться в августе и, подготовив заранее документы, решить судьбу контракта. Чехов не имел оснований отказаться, но денег, предложенных Марксом на лечение в счет гонорара, не взял. Не потому, что ему не нужны были деньги, а потому, что не хотел одалживаться.

В августе они не встретились – Чехов не хотел больше вести унижительные переговоры, а Маркс не желал терять барыши. Об этом знал Горький и вместе с Л.Н. Андреевым написал проект письма Марксу от имени российских литераторов. В нем не было ни слова об обидах Чехова, о его борьбе с бедностью. В письме сказано было другое: «Среди копеечных книжек, идущих в народ и на обложках своих несущих имена почти всех современных писателей, нет книжки с одним только дорогим именем – А.П. Чехова»⁵.

Узнав о предполагаемом обращении к Марксу, Чехов просил Горького не отправлять письмо.

Конечно, прекращение переговоров с Марксом поставило перед Чеховым сложные проблемы. На лечение в Швейцарию он ехать не мог. По всей вероятности, если бы у него и были деньги, он все равно не поехал бы, но по другой причине.

На приеме у профессора Остроумова Чехов просил быть откровенным и сказать правду о состоянии своего здоровья. Он был потрясен заключением врача. В тот же день, 24 мая, он написал о нем Мирянову и Марии Павловне в Ялту: «Милая Маша, я все еще в Москве. Сегодня был у профессора Остроумова, он долго выслушивал меня, выстукивал, ощупывал, и в конце концов оказалось, что правое легкое у меня весьма неважное, что у меня расширение легких (эмфизема) и катар кишок и проч., и проч. Он прописал мне пять рецептов, а главное – запретил жить зимою в Ялте... Вот тут и разберись!»

Вместе с Книппер он поселился на даче возле станции Нара. Подавленный заключением Остроумова, он был совершенно безразличен к условиям жизни в отдельном флигеле, который отдала в их распоряжение давняя знакомая М.Ф. Якунчикова. Дом стоял на возвышенности, откуда можно было увидеть реку, старую часовню и поля. Левитановский пейзаж мало радовал Чехова. Угрюмо и неохотно подчинялся он Книппер, терпеливо и заботливо напоминая ему о лекарствах и режиме. Грустью веет от фразы, которую он внес в первую корректуру «Невесты»: «Настоящее, как казалось ей, уже перевернуто вверх дном, беспокойство останется до конца дней, что бы там ни было, куда бы судьба ни занесла, но все же жизнь будет чистой, совесть покойной. Только бы уехать!»

Во всем рассказе ощущается горький привкус тоски. О важных делах ничего не говорят. В отчаянии и смятении не только бабушка и мать Нади. Чехов в доме Якунчиковой как бы подчинился обстоятельствам, но не принял уклад жизни семьи. Добрая и благонамеренная хозяйка не произвела на него никакого впечатления. В письме к Книппер от 21 октября 1903 г. признавался: «Жизнь у Якунчиковой вспоминается почему-то каждый день. Такой безобразно праздной, нелепой, безвкусной жизни, какая там, в белом доме, трудно еще встретить. Живут люди исключительно для удовольствия – видеть у себя генерала Гадона или пройти с товарищем министра кн. Оболенским».

Вспоминались и другие странные подробности. Чехова особенно поразило, что в доме опасались принимать журналистов, писателей, артистов и художников. С мужем Якунчиковой, крупным сановником, Чехов был незнаком. Попытки жен познакомить их были лишены реальных оснований. В неопубликованном письме к Якунчиковой от 6 июля Книппер в нескольких словах объяснила, почему задуманный ими план не был осуществлен. «Когда приедет Владимир Васильевич (Якунчиков. – Я.С.), скажите ему, что мы очень жалеем, что не пришлось видеть его в Наре. Надеюсь, что осенью удастся Антону Павловичу познакомиться с ним»⁶.

Книппер знала, почему Чехов отшатнулся от сложившегося в Наре образа жизни. Поэтому в письме к Якунчиковой она придала значение другому: «Я так счастлива, что Антон Павлович мог пожить в деревне, в русской деревне, которую он так любит, и при этом в такой тишине и с такой очаровательной хозяйкой... Будем сидеть в Крыму и вспоминать милый Север».

Между тем ни просьбы, ни увещания не могли заставить Чехова остаться в Наре. Вначале он и вовсе упорствовал, а затем согласился подыскать где-нибудь в округе участок земли для строительства дачи. Из Нары выезжали в Звенигород и Воскресенск. Средину писал: «Моя супруга засуетилась, ищет усадьбу». Несмотря на прогноз Остроумо-

ва, надежды и желания все-таки не покидали Чехова. Письма из Нары полны размышлений и планов.

На даче Якунчиковой происходили деловые встречи и переговоры. Накануне отъезда из Москвы к нему обратился редактор журнала «Русская мысль» В.А. Гольцев с просьбой просмотреть рукописи, полученные редакцией. 4 июня Чехов известил его: «Я жду тебя во всяк день и час, приезжай, когда хочешь... Имею кое-что сообщить тебе интересное по части “Русской мысли”».

Как предполагаемый редактор беллетристического отдела журнала, Чехов хотел сделать для него все, что сумеет. Приглашая Гольцева в Нару, он желал обсудить с ним, как получить повесть Толстого «Хаджи-Мурат» для «Русской мысли». Чехов написал по этому поводу нескольким литераторам, близким Толстому. С самим писателем переговоры не велись.

На обращение Чехова первым откликнулся Сергеенко. Он писал: «Когда я узнал, что ты вступил в редакцию “Русской мысли”, то у меня даже в зобу дыхание сперло, как объединит твое имя все независимые литературные силы и как охотно пойдут к тебе в гости все, кого ты пригласишь».

Трудно было найти другого писателя, который смог бы вернуть журналу былую славу, когда в нем печатались Успенский, Гаршин, Короленко, Станюкович, Мамин-Сибиряк, Толстой. Чехов печатал в «Русской мысли» «Остров Сахалин», «Мужиков», «Палату № 6» и «Дом с мезонином». Он ценил журнал за верность демократическим традициям и людям, посвятившим свое творчество борьбе против монархии. «Русская мысль» печатала статьи Чернышевского, Плеханова, Ключевского, Семевского, Якубовича и Шелгунова.

Чехов был приглашен редактировать «Русскую мысль», и Гольцев надеялся преодолеть трудности, с которыми столкнулся журнал в последнее время. Более десяти лет Чехов и Гольцев поддерживали дружеские отношения. Когда Чехов вынужден был зимовать в Ялте и чувствовал себя заброшенным, Гольцев писал ему особенно часто. Он знал настроение Чехова и старался рассеять в нем чувство одиночества и отчужденности.

Чехов чрезвычайно ценил благородство, ум, талант и нравственную чистоту Гольцева. Накануне 25-летия его литературной деятельности Антон Павлович написал: «Милый и дорогой Виктор Александрович, здравствуй! В феврале празднуют обедом твой юбилей – так я читал в “Одесских новостях”. Если это правда, то, сидя за обедом, вспомни, голубчик, что я емь твой искренний, преданный друг и таковым останусь до конца дней моих, и что я тебя люблю и давно уважаю. Если же узнаю точно, когда твой юбилей и где вы будете обедать, то пришлю телеграмму».

Профессор юриспруденции Московского университета Гольцев стал журналистом и приобрел в течение короткого времени громкую известность своей публицистикой. Он был решительным человеком и умел постоять за себя. Враги журнала признавали, что имеют дело с достойным противником.

Гольцев выступал против монархии, был убежден в необходимости конституции, он ни разу не свернул с намеченного пути. Чехов видел в его преданности демократическим идеям достойное и прекрасное качество. Безупречная репутация Гольцева значила для него больше, чем любое звание.

Чехов искал повод помочь Гольцеву. Он тщательно изучал рукописи, поступающие в редакцию «Русской мысли», вносил в них всевозможные поправки, а в письмах давал советы редактору. Такая работа казалась ему в то время интересной, но она требовала больших усилий. С июня по октябрь он написал Гольцеву по поводу прочитанных рукописей десять писем, хотя понимал, что большинство из присланного обречено на забвение.

Мнение Чехова могло совпадать или не совпадать с мнением Гольцева, но они несли равную ответственность за беллетристику журнала. Они понимали друг друга с полуслова.

Без дальних околичностей Чехов заинтересовался, какими правами он пользуется как соредактор, и ни слова не сказал о плате за прочитанные рукописи. Иначе он не писал бы в полусмешливой полусерьезной форме Гольцеву: «Спасибо тебе большое, но, прости, денег я не возьму ни за что. Ведь я же ничего не делал, или, вернее, сделал рубля на полтора. Нет, голубчик, не обижай, не присылай денег и вопроса об этом не поднимай. В конце октября или в начале ноября приеду, тогда увидимся и поговорим, и если я буду работать, то разговаривать не стану, возьму деньги. 200 руб. – совершенно достаточно».

Теперь, когда переговоры с Марксом закончились безрезультатно, Чехову поневоле пришлось думать о заработках. Он мог принять или отвергнуть предложение Гольцева, но позаботиться о завтрашнем дне ему было необходимо. Условия жизни и возможности для работы с каждым днем ухудшались.

13 июня он и Книппер направились в имение Морозовых в Рубцове. Книппер поехала осматривать продававшийся участок, а Чехов остался в обществе хозяйки. Если верить Зинаиде Григорьевне Морозовой, он сказал ей: «Все, что я писал раньше, прошло, а как писать дальше – не знаю. Это меня очень мучает». В самые трудные минуты он думал о творчестве.

Он писал 15 июня сестре: «Был в Звенигороде, там очень хорошо, чудесный звон, великолепный вид на Поповку (с горы вниз на доли-

ну), но ужасно, томительно жарко и пыльно, как никогда не было; здесь дождей нет, земля высохла и жарче, чем в Ялте, я перемогался».

Главной причиной такого настроения была, видимо, не столько жара, сколько мучившая его неизвестность, как жить и писать дальше. Он делился с Сувориным: «А у меня в моей личной жизни опять нечто вроде переворота. Был я у профессора Остроумова, и тот, осмотрев меня как следует, обругал меня, сказал, что здоровье мое прескверно». И тут же просил Суворина высылать ему нелегальный журнал «Освобождение», издававшийся в Штутгарте Струве. В нем печатались секретные правительственные документы, статьи по истории общественного движения в России, хроника текущих событий. В десятом номере журнала за 1902 г. Чехов увидел опубликованным письмо, написанное им в связи с отказом от звания почетного академика.

Чем большую силу набирал журнал, тем нетерпеливее ожидал Чехов очередной номер. В переписке с Сувориным он условно называл журнал Ежовым. Конспирация продолжалась и тогда, когда журнал стал органом «Союза освобождения».

Особое расположение Чехова к журналу не помешало ему написать Суворину 29 июня: «У Ежова тон однообразен, становится в конце концов скучновато, точно читаешь энциклопедический словарь, и будет так, пока не придет к нему на помощь беллетристика».

Чехов часто искал повод для того, чтобы ознакомиться с подпольными изданиями, выходящими в России и за ее пределами. Не имея возможности получать их в Ялте, он обращался к знакомым с просьбой выслать ему журнал или газету. Ему не всегда отвечали, мало кто хотел рисковать и жертвовать своей благонадежностью. Для таких, как Суворин, пересылка запрещенных изданий стоила недорого. Теперь, когда и он часто отказывал Чехову, можно было догадаться о нажиме властей. С тревогой воспринимались отказы, но Чехов не хотел подчиниться обстоятельствам. Не сомневался, что издания будут выходить и поступать к нему.

Не ради чего иного, как с целью получить правдивые сведения, рисковал Чехов. По натуре весьма осторожный, он позволил себе получать антиправительственные издания и подошел к ним не столько как политик, сколько как писатель. «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником и – только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах...»

Наконец в ялтинский кабинет поступили ожидаемые издания. Чехов принялся за чтение. Это было сделано с такой удивительной быстротой, что через несколько дней он сумел вернуть прибывшие из-

дания в Петербург. После этого быстро была написана одна из сцен «Вишневого сада».

Успех радовал его и семью, на какое-то время Чехов даже забыл о беседе с Остроумовым. 3 августа Книппер писала Станиславскому: «Он работает теперь каждый день». Станиславский ответил: «Не раз помянули все недобрым словом Остроумова. Он наврал и сбил хорошее настроение Антона Павловича, а ведь известно, что его здоровье зависит от внутреннего спокойствия».

Внутреннее спокойствие Чехова и владевшие им чувства сильно влияли на работоспособность. Но ошибку в диагнозе Остроумов, к сожалению, не допустил.

И все-таки жизнь стала сравнительно ровной, вернее спокойной. Книппер продолжала не очень вежливо отваживать непрошенных гостей, Евгения Яковлевна меньше переживала, когда слышала кашель, раздававшийся эхом в доме, Мария Павловна не принуждала брата чуть ли не каждый час мерить температуру. Работоспособность Чехова превзошла ожидания.

Примечания

¹ Сергей Дягилев и русское искусство. М., 1982. Т 1 С. 41.

² ГБЛ, ф. 331, ед. хр. 12.

³ ГБЛ, ф. 331, ед. хр. 64, 16.

⁴ Там же.

⁵ М. Горький и А. П. Чехов. М., 1951 С. 155.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 994, оп. 1, ед. хр. 81.